

Раньше Дин Юйцин всегда считал, что взросление — это то, чего стоит ждать с нетерпением. Ведь тогда в ответ на вечное взрослое «да что ты понимаешь, мал ещё!» можно будет аргументированно возразить, появится свобода делать всё, что душе угодно и что раньше запрещали родители... Однако со временем он начал осознавать: реальность далека от его детских фантазий.

Как минимум глядя на Жуньшэна, он не замечал в этом процессе абсолютно никакой радости.

После той прохладной летней ночи Жуньшэн словно замкнулся в себе ещё сильнее. Он так и не вернул Юйцину те злосчастные короткие шорты и ни разу не обмолвился о случившемся. Словно того странного, зябкого разговора никогда и не было. Пианино в Западном здании затихло — звуки музыки раздавались оттуда теперь крайне редко. Юйцин не на шутку тревожился за друга, но Эрмяо сделался ещё молчаливее прежнего. Даже на самые прямые и искренние вопросы он лишь упрямо качал головой или уходил от ответа. Если раньше он обожал дурачиться, тискать Юйцина и без конца к нему прижиматься, то теперь всё это внезапно прекратилось. Он словно намеренно держал дистанцию. И хотя вся их дворовая компания по-прежнему собиралась вместе каждый день, Юйцин отчётливо чувствовал: Эрмяо от него отдалился.

Это приносило немало тихой грусти. Чжоу Хуэй как-то успокаивала его, говоря, что с подростками всегда так: даже самые близкие друзья рано или поздно обзаводятся секретами, которые не готовы разделить ни с кем на свете, но это вовсе не значит, что дружбе пришёл конец.

Юйцин долго размышлял над её словами и в глубине души соглашался с ней. Но юношескую тоску из сердца изгнать было не так-то просто. Ему казалось, что незаметно для него самого жизнь стала гораздо сложнее, а поводов для тревог прибавилось.

Эта едва уловимая холодность со стороны Жуньшэна тянулась вплоть до конца четверти. На последнем экзамене, по английскому языку, когда до сдачи работ оставались считанные минуты, Жуньшэн улучил момент, пока учитель отвернулся к окну, и запустил бумажным комом прямо Юйцину в затылок.

Юйцин обернулся и перехватил его взгляд. Эрмяо, сидевший чуть наискосок позади, беззвучно зашевелил губами:

— Подвинь листок.

Юйцин удивился. Жуньшэн всегда учился блестяще, и ему, в отличие от долговязого Маганьэра, никогда не требовались подобные уловки на контрольных. К тому же, как он собирался разглядеть мелкий почерк с такого расстояния?

Тем не менее Юйцин послушно откинулся на спинку стула, приняв расслабленный вид, будто уже закончил писать, и незаметно пододвинул бланк к краю парты. Преподаватель мазнул по ним ленивым взглядом, но тут же переключил внимание на задние ряды: отличники в таких

ситуациях всегда оставались вне подозрений.

Покосившись назад, Юйцин с изумлением заметил, что Жуньшэн снял очки и, бросив быстрый взгляд на его работу, принялся что-то спешно исправлять в своей.

Когда раздался звонок, возвещающий об окончании экзамена, Юйцин сдал лист и сразу же повернулся к другу, который как раз водружал очки обратно на переносицу.

— Ты разве не близорукий? — недоумевал Юйцин.

Жуньшэн посмотрел на него так, словно тот сморозил несусветную глупость.

— С чего ты взял? У меня дальность зрения.

До самого выхода из школы Юйцин шёл сам не свой от обиды. Сколько лет он знал Эрмяо, и только сегодня узнал, что тот вовсе не близорукий!

— А почему ты молчал, когда я садился перед тобой на уроках, думая, что ты ничего не видишь сзади, и старательно переписывал для тебя все конспекты? — не выдержав, упрекнул его Юйцин.

Кончики ушей Жуньшэна мгновенно вспыхнули пунцовым. Он сердито буркнул:

— А ты и не спрашивал.

Юйцин растерянно замер, а потом молча зашагал вперёд. В груди шевельнулась горькая обида, смешанная с чувством, будто его выставили круглым дураком. Давненько он не испытывал такого разочарования. Как Эрмяо мог так поступить с ним?

Вскоре к ним присоединились Маганьэр и Эрпан, тут же принявшие шумно и взволнованно обсуждать вопросы из билетов. Юйцин шёл безучастно, не произнося ни слова — он не на шутку злился на друга.

Когда они спускались по лестнице, мимо весело пробежала стайка девчонок. Шедшая впереди девочка с коротким задорным хвостиком выглядела удивительно яркой и хорошенькой на фоне притомившихся за время экзаменов школьников. Заметив ребят, она приветливо крикнула:

— Привет! Ну как, всё сдали?

Это была Хуан Ина, тоже из семьи работников завода № 176. Красивая, весёлая и к тому же круглая отличница — неудивительно, что многие мальчишки в параллели мечтали привлечь её

внимание.

Эрпан тут же засуетился, спеша ответить:

— Ой, задачи были просто зубодробительные! А ты как написала?

Хуан Ина забавно надула губы:

— Да я не тебя спрашиваю, а Фу Жуньшэна. Жуньшэн, давай сверим ответы?

Настроение Юйцина упало ещё ниже. Ему тоже безумно хотелось заговорить с Хуан Иной, но она каждый раз словно не замечала его присутствия, хотя по успеваемости он едва ли уступал Эрмяо.

Однако Фу Жуньшэн не проявил к её предложению ни малейшего интереса:

— Экзамен уже позади, какой смысл теперь сверяться?

Девчонку это ничуть не задело.

— Ну как же, просто чтобы на душе спокойнее было!

— Да тебе-то чего переживать, — вклинился в разговор Маганьэр. — Всё равно окажешься в первой десятке школы.

Хуан Ина покачала головой:

— Это ещё бабушка надвое сказала. Жуньшэн...

Юйцин хмуро ускорил шаг, оставив спорящую компанию позади. Однако у велосипедной парковки его ждала новая неприятность: заднее колесо его велосипеда совсем спустило.

Он попробовал покатить его рядом — ехать на таком ободе было едва ли возможно, а уж если добираться до дальних кварталов, шине точно придёт конец.

Ребята собирались после экзаменов съездить на набережную, поесть чаньбайских пирожных и мороженого. Но глядя на колесо, Юйцин понял, что никуда ехать уже не хочет. В голове вдруг закрутились непрошенные мысли.

«Когда я катал его на багажнике, преля от жары, он, небось, сидел сзади и посмеивался над

тем, какой я наивный дурачок?»

От этой догадки стало невыносимо тоскливо. Но почти сразу Юйцин устыдился собственной мелочности. В конце концов, Эрмяо не сделал ничего ужасного. Подумаешь, глупая недомолвка с очками. К тому же, несмотря на свой несносный характер, в большинстве случаев друг относился к нему с бесконечной теплотой и заботой.

Юйцин присел на корточки и принялся ощупывать покрывало. За спиной раздался знакомый голос:

— Что с колесом?

— Спустило, — вздохнул Юйцин, мысленно пообещав себе не дуться на пустяки. — Придётся сначала катить в мастерскую.

— Хуан Ина с девчонками сказали, что тоже собираются на реку через какое-то время, — как бы между прочим заметил Жуньшэн.

Юйцин поднял голову. Эрмяо стоял, небрежно оперевшись плечом о железную стойку навеса, и пристально наблюдал за ним.

— Правда? — оживился Юйцин.

Жуньшэн поправил манжет рубашки и отвёл взгляд в сторону:

— У этой Хуан Ины язык без костей. Растрепала всё на свете.

— А что именно она сказала? — не понял Юйцин.

— Да так, ерунду всякую. Тебе лучше не знать.

Обычно, если Жуньшэн не хотел о чём-то говорить, он просто хранил угрюмое молчание, но чтобы выдавать информацию такими порциями — это было на него не похоже. Любопытство Юйцина разгорелось с новой силой.

— Ну скажи! Что она наговорила?

Жуньшэн на секунду задумался, взвешивая слова:

— Только обещай, что не будешь злиться.

— Не буду, честно! Выкладывай быстрее.

Жуньшэн глубоко вздохнул:

— Она сказала, что ты похож на кудрявого щенка, который вечно околачивается у дверей их класса и заглядывает внутрь, как мелкий воришка.

Юношеское самолюбие Юйцина было жестоко уязвлено. Он действительно пару раз заглядывал к девчонкам на перемене, надеясь мельком увидеть Хуан Ину, но ведь так делали почти все мальчишки! И при чём тут кудрявый щенок... Да, он не вышел ростом, но с этим ничего не поделаешь, а кудри у него от природы.

— Зачем она так... — тихо и обиженно пробормотал он.

— Вот поэтому я и не хотел тебе говорить, — тут же подхватил Жуньшэн.

Юйцин опустил голову и промолчал.

Жуньшэн подошёл ближе:

— Да забудь ты про неё. Вечно эти девчонки треплются попусту, строят из себя невесть что и думают, будто все вокруг от них без ума. Аж тошно.

Слушать эти нападки Юйцину было неприятно, и он почувствовал, как раздражение вспыхивает с новой силой:

— Зачем ты так говоришь про человека? Она тебе ничего плохого не сделала, да и общаетесь вы вроде нормально. Хуан Ина хорошая, весёлая, учится отлично и очень красивая... — Его голос упал до шёпота. — Мне просто хотелось подружиться, а она со мной даже не разговаривает толком.

— Ну и не надо с ней разговаривать, — мягко произнёс Жуньшэн. — Подумаешь, цаца какая.

Юйцин совсем сник:

— Понятно. Пойду докачу велосипед до ремонта, подождите меня немного.

— Да они уже ушли, — бросил Жуньшэн.

Юйцин удивлённо вскинул глаза:

— Как ушли? Мы же договаривались...

— Я сказал им, что ты едешь домой и с нами не пойдёшь.

Юйцин опешил:

— Но я ведь не собирался... С чего ты взял, что имеешь право решать за меня? Эрмяо, ты поступаешь просто отвратительно!

Жуньшэн явно не ожидал такой бурной реакции, но попытался оправдаться:

— Я просто подумал...

— Да ничего ты не подумал! — перебил его Юйцин. — Почему ты никогда не пытаешься поставить себя на место другого человека? Вот представь: ты бы договорился с кем-то, а я пошёл и объявил всем, что ты передумал. Каково бы тебе было?

Жуньшэн понурил голову и засунул руки глубоко в карманы брюк:

— Так ты... пойдёшь со мной кататься на лодках?

— Не пойду! Катайся сам! — выпалил Юйцин, вскочил на свой полуспущенный велосипед и сердито покатил прочь.

Кое-как добравшись до ворот, он обернулся. Жуньшэн всё так же неподвижно стоял у парковки, прислонившись спиной к ржавым железным перилам.

По природе своей Юйцин был человеком незлопамятным и отходчивым, особенно когда дело касалось Жуньшэна. Даже если они изредка спорили, примирение всегда наступало быстро. На самом деле с тяжёлым характером Эрмяо могли ужиться разве что добродушный Эрпан да сам Юйцин с его неиссякаемым дружелюбием. Тот же Маганьэр держался от Жуньшэна на почтительном расстоянии.

Но сегодня обида почему-то засела глубоко в сердце, и Юйцину было по-настоящему горько.

На полпути к дому колесо спустило окончательно. Юйцину пришлось спешиться и вести велосипед вручную. Поравнявшись с автобусной остановкой у школьного сквера, он заметил Эрпана и остальных — они весело о чём-то болтали в ожидании транспорта.

Юйцин подошёл к ним. Эрпан удивлённо округлил глаза:

— О, Юйцин! А Эрмяо сказал, что ты вместе с ним домой ушёл.

Не желая выставить друга в дурном свете, Юйцин лишь сбивчиво объяснил, что у него пробило шину. К счастью, расспросы прекратились: в этот момент к остановке как раз подкатил старый дребезжащий автобус.

Пока ребята копались в карманах в поисках мелочи на билеты, Юйцин вернул Эрпану его долю и замялся:

— Слушайте, вы езжайте без меня... я, наверное, попозже присоединюсь.

— Да что стряслось-то? — недоумевал Эрпан. — Так ты едешь или нет?

Юйцин развернулся и со всех ног бросился обратно к школе:

— Еду! Вы двигайтесь, встретимся в кафе на набережной!

Он бежал под палящим полуденным солнцем, обливаясь потом. Школьный двор к этому времени уже опустел. В груди Юйцина колотилось беспокойство.

«Куда он запропастился? — тревожился Юйцин. — Может, ушёл через другие ворота?»

Но когда он прибежал к навесу для велосипедов, то увидел, что Жуньшэн сидит прямо на пыльном бетонном полу. Прижав колени к груди и оперевшись спиной о перила, он сосредоточенно ковырял землю острым осколком известняка.

Обида Юйцина мгновенно испарилась. Он на цыпочках начал подбираться со спины, намереваясь хорошенько напугать друга.

Но лёгкий порыв ветра, качнувший ветви тополей, выдал его присутствие. Жуньшэн резко обернулся.

Они замерли, глядя друг на друга, — оба пойманные с поличным.

Жуньшэн мгновенно вскочил на ноги и принялся ожесточённо затирать подошвой кеда каракули на бетоне.

— Ты что там делаешь? — с любопытством спросил Юйцин.

Лицо Жуньшэна залила густая краска.

— Ничего. Ты почему вернулся?

Юйцин попытался заглянуть ему за плечо:

— Что ты там написал?

— Да ничего я не писал! — Жуньшэн попытался оттолкнуть его.

Они в шутку сцепились, пытаясь одолеть друг друга. Юйцин не сдавался:

— Дай посмотреть! Ты наверняка меня там обзывал! — Он изловчился и принялся щекотать Жуньшэна под рёбрами. Тот от неожиданности ослабил хватку, и Юйцин, воспользовавшись моментом, вытянул шею.

На бетонном полу, уцелев после ожесточённого затирания ногами, красовались три выведенных мелом слова: «Противный. Доудоу. Люблю».

Отвлёкшись на надпись, Юйцин потерял бдительность и не успел увернуться от очередного толчка. Потеряв равновесие, он охнул и полетел навзничь. Жуньшэн среагировал мгновенно и мёртвой хваткой вцепился в его рукав, утягивая на себя.

Прямо за спиной Юйцина торчал массивный бетонный ограничитель парковки. Приложись он об него затылком — беды бы не миновать.

— Что ты падаешь от любого прикосновения? — недовольно проворчал Жуньшэн, переводя дух.

Юйцин, ещё не до конца оправившись от испуга, огрызнулся:

— А кто меня толкнул, по-твоему?

Жуньшэн тут же растерял весь свой воинственный пыл и виновато опустил глаза:

— Нечего было совать нос куда не просят, — буркнул он и решительно стёр остатки надписи носком кеда.

Юйцин не знал, что сказать. Помолчав, он тихо спросил:

— Почему ты домой не ушёл?

Жуньшэн угрюмо молчал, разглядывая свои шнурки.

Юйцин вздохнул:

— Ладно. Попроси у меня прощения, и мы пойдём есть мороженое.

Жуньшэн вскинул голову, в его глазах вспыхнул привычный протест:

— Это ещё с какой стати?!

— Я сегодня на тебя очень сильно обиделся, — серьёзно ответил Юйцин. — Во-первых, ты столько времени скрывал, что у тебя дальность, и позволял мне писать за тебя конспекты. Во-вторых, ты соврал Эрпану, что я не поеду на реку. Извинись за это, и мы в расчёте.

Жуньшэн вспыхнул от досады:

— Про дальность ты сам никогда не спрашивал, тебе просто дела до меня не было! А на реку... Стоило этой Хуан Ине появиться, как ты тут же побежал за ней хвостом. Нам что, вдвоём мало места гулять было?

Юйцин качнул головой:

— Эрмяо, если ты всегда будешь так упрямиться и не признавать ошибок, у тебя совсем не останется друзей.

Упрямство Жуньшэна мгновенно сдулось, точно проколотый шарик.

— Ну ладно тебе, — нехотя пробормотал он, смягчаясь. — Хорошо, я был неправ.

— И обещай, что больше не будешь решать за меня, — тут же потребовал Юйцин.

Жуньшэн шумно выдохнул:

— Ладно. Обещаю.

Юйцин протянул ему руку с оттопыренным мизинцем:

— Тогда давай мириться.

— Ну что за детский сад, — проворчал Жуньшэн, но мизинец всё-таки протянул и зацепил палец Юйцина. — Сколько нам лет, в конце концов...

— Мирись, мирись и больше не дерись... А если Фу Жуньшэн опять соврёт, то станет собакой.

Жуньшэн молча смотрел на их сцепленные пальцы. Спустя мгновение он тихо прошептал:

— Люди ведь не умеют превращаться в собак.

— Что? — не расслышал Юйцин.

— Ничего, — Жуньшэн мягко высвободил руку. — Пошли уже за твоим мороженым.

<http://bllate.org/book/19415/1961051>